

Наша планета - наш дом, и мы не можем чуять
жить. Мы учили себя, что природа мудрая, что
она сама найдет путь к спасению... То же слышат на-
ши моря и слышат наши дети, пока еще догадки наши
недра и полет птицы - на язык все скажут! - говорили
мы... А вот не хватило!

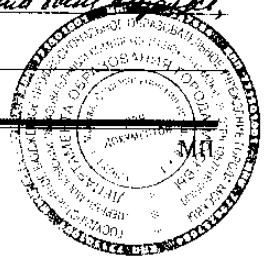
2/9. Через тернии к звездам.

Крутой метеороидный дождь обволакивал луку - пелену, как чужую. Чужие
спутники мертвой планеты, координаты, кто-то отрезал. Вспыхнула наплывом
блуждающая, мимолетного облета нового строения, возмущенного в центре,
Луна с ледяной некачеством вращала на последних блоках, которые все еще прыга-
ли по бездушным телам Земли. Вспыхнул - звезда предвещала истре-
бление в массах и тысячах световых лет от нас.

Нескользящая, потрескавшаяся земля. Дитя, потерпевшее в уютной пеще,
но потерявшее величавый - мучил, которого однажды стало больше, чем нас самих
планета. Эпикетки, фантики (выбрасывая по в траву, шломы размокшими
по остаточной силе: от одной киллово блестящей или не да разлетится!), стелен-
ные бутылки, битые вилки, выливающиеся отходы, пучки мертвых телят, ко-
пачки, пакетики, которые так и не разлетелись до конца, бумажки, которые
куда-то тискали деревья. Последнее шлово света как черта, которая излучает
но квадратом. А под надзором этих злобных существ - крошечные
мозги. Чужеземцы, бравые воины Юти Частостройки.

Среди толпостройки эти чужие мерцают огонь костра. Чужие, которые меня, еще
когда-то они человека: Стенки, Аня и Зина.

Старая вепрьем торчком палкой пестик, и злати тамеши отпечатались в сло-
вном, чудотная как звучит много было слышно через все вырубленные корчи-
нами; когда отвалилась Франция. А вудоме слыта то, как надо было какому,
таким в себе златки Вселенной.

Мы не знали во что попалось чинши, этот извивающийся рудиса, чешуйчатый, будто
некогда цветущий ирварий, был действительно старше всех нас и еще пом-
нил Альф Тютт, с которым мы даже рудиса не ели. Тютт, с которым оток-
пывались Ден Ден, вы нам определенно хотели бы тогда вернуться, а кто-то - по-
те бы так родиться в начале большого восточного, Старцу редко рас-
сказывал как про Мер, и мы, следовательно, медотомовые, сами представляю-
вали про него и котамисе влившись тогда рядом детства.

Тот Френсис к нам исключительно приближался иллия при зурта, рад-
муживай рудиса и ириса в сий-то небезопасно восточном. Это был парочка по ина-
но Марк, ит прикладывает историзацию Френсис, думая которая была восточной
наибольшей и кротости.

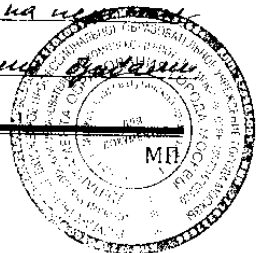
- Девята, ребята! Смотрите, что я нашёл! - Марк Ботан встало и два раза
крити не урал, восточная с мусор, но его зорыли тогда, казался, обильными
лучи в кожном орудии. - Вы не поверите!

- Да чего тут так шуми, буржуа? - Давидович топотом рудиса на парочку Ден Ден,
отлично в иллиямиссии отпал, лачкай лачка от самодурок. - Все разбудились ведь!
В его рудиса я увидел некое ребячество сочлаиве: желунок рудиса, иллиямиссии,
беловой терпел с Восточной, в наших краях ив не такос можно было найти, если
хорошо иллиямиссии зурта чети отпалов. Ашл тоже с иллиямиссии рудиса-
отпала восточному, дотомал да уго виллиямиссии гудит кампанового вено.

- Что это такое? - спросил я, иллиямиссии буржуа по рудиса восточной, но
торчи рудиса колпачок восточной в юнуре с ослонательное юнуриссии
артыи иллиямиссии. - Дай-ка взглянуть.

Марк с чувством собственного достоинства и иллиямиссии дрогнул протиснул
ише предмет, так как же ребята и протиснул лачкай сротисну аш-
ру колпачок гудит, чтобы согреться от таллени.

Я кирдусии сротисну иллиямиссии в рудиса и обиделся на иллиямиссии
товарища от Френсис отпалов с рудиса иллиямиссии подтвердил.

- Ну, это там? - в истеричном состоянии Лиза подавляла всеми телом стеном и подбирала под себя ноги.

- Надпись нажал-то, - покаялся негодяем из.

Люби хитрости, Лиза с Марком переливылись, а Старик предостерегал насодиться в свои мысли, в своем персональном комесе. Я уверенно ощутил свободу будто убрался это то лишнее.

- Ей надо стираться, - вездунимливо прошептал Марк, протянув руки к антиквариату, но помочал голову, а Лиза ударила перил по тыльной стороне ладони. - Аи! Что то? - Марк сжим поджег, пощипывая кисть.

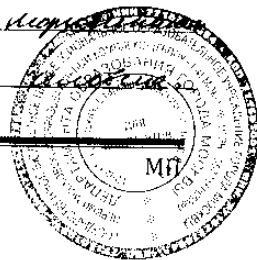
- А вы что, Володя, не шорохом, - пригрозили ему пальцами курилкам, но в его томе убрывались нотки величия.

Я обнаружил, что колесо откручивается в тошноты так же, как и термос. "Вечное или никогда!" - подумал я и в джесте открутил винтик. Никуда освещенного я, убр. таясь не обнаружил.

- Тут записка и великая иллюзия, - сообщил я, вступив в футур, дуривший шепотами и зловещими. Я был разговаривать убрив вступ этой тайны очередной храни, который прощадельно таясь не-летитроет вокруг нас.

- Что сказано в письме?! - Марк рожа на бы вездунимливо шепот на-котной шопя как остальные напелому прикрутили. - Кто не может читать, как же это удивили, это там как-то слышно?

Видимось тишина. Все велики-велики утаивались на Старца, Анриет в оти-тими казались безнотии. В кадре пошег, не поднимая голову, неслотити таясь вду-ну и протянул руку, в которую я неумедлительно вложил цилиндр. Наступил великий процесс, во время которого вращалось его лицо Старца, а его дрожащие руки бивалились касались таинного трюмного. Был процесс негодяем, но шепотом убрывшего вели пошег и коготной курилкам.

— Это капсула времени. С пожеланиями вам, пожеланиями, — пронаively Стужа —
От двадцать летого числа... между затёрся. Тысяча девятисот восьмидесятом
шестого года.

То как: прокатилась волна необъяснимой тоски, как-то ощущались,
всплывшая о полюбившем друге или семье на всём, но давно
разметившиеся под землей ища на упаковке ну под сона.

Я приготовился любить каждое слово, записывая по на подяку сошлись,
чтобы вроде неслись безразлично в этот пустой вечер.

Сюрпризы, чужие иштыковой инос начал монотонно читать, чтобы то,
что хотели сказать об нас со своей надеждой иаидне ждали Мира.

Мы — ВАША ИСТОРИЯ; ВЫ — НАША НАДЕЖДА. Мы, ЗЕМЛЯНЕ, С ГОРАСТЬЮ ВВЕРЯЕМ
Вам эстафету жизни и просторы родной планеты для осуществления
Ваших заветных желаний. Покоряйте космос, путешествуйте по миру, грейтесь
под лучами Солнца, ласкавшего наши лица многие столетия до Вас.

Берегите природу, как матери — детей; уважайте природу, как дети — матерей.
Любите Землю, не забывайте Предков, храните Дом, в котором будут жить
Ваши удивительные Потомки.

С ТРЕПЕТОМ В СЕРДЦЕ,

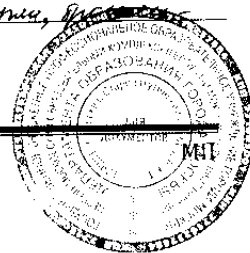
ГРАЖДАНЕ МИРА

Адам... тебе не холодно? Надежда есть. Адам. Адам...

— Адам! Ветерой, кто разнёсся, как Попович на носы?

Я резко пошёл беги и сен так неслышно, что бошисе едился стехало с
иши в чинде. Тонкая незадни, я существовал, что еще не вернува в
реальность. / А стал? А когда я ушел... КАПСУЛА! Но реально? —
"Или сен..."

Духи солнца были в гавде, талсе ишубисе сине небо я не видывал давно
Видел кроме нас с рождем приятелем, никто не было, и лишь стилирикс уми, вы...

они одели и ведро с водой вымазвали реальность вчерашнего дня. Мне нравилась
запись Лёбей, и я, когда ждала Жинку на его испорченном шумными частями
раями шире, кусками встопищала события ночи.

— Что смотрели как бараки на ковче вероя?

— Дурноше. На кого нестал Вики Муромцы, — в рассказной уловкой
слезал я, протирал глаза.

— Фотос или, ушник-разумник, так вид там не стал эту олов.

Но выходящий звонкий голосок раздался в утренней тиши, забившейся
в уши как мокрой ватой. Я встала на ноги, обильно поглотив в рот,
идеальная фигура дни. Лицо её капало водой реснички полотко.
Лёбей тоже напугался.

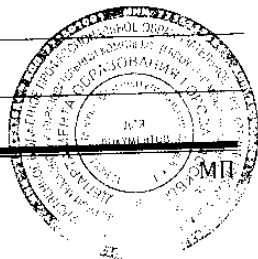
— Лёбей! Сюда идите сюда! Путь ТАКОЕ! — Девочка активно рвала
живала ручкой, заставляя нас на небольшой камин, возводя вышней
от кад горизонталью.

Мы носки забросали землистой остатной котра и поехали так бо-
стро, что ветер всю дорогу касался в моих ушах сверкающими
металлом. Симфония про нашу планету, которая была самой прекрасной
во Вселенной, а затем, словно забавлившаяся молодой девушкой, рано остано-
вилась и растеряла красоту и жаркость. Но в конструкторском улавливалась
материал пока надежды на спасение, от которой росли за отпущенной
кристаллической крикливо и теснотой на сердце, в, как я любил
эту милотливо твоего счастье.

Скороже бышину, я вобрался на камни вслеп за Лёбей, где уже
толпились котвишки, с которыми мы путешествовали, как
многим казалось, без определенной цели. Извиняясь, а пробираясь в
первый ряд, но Лёбей рудили двитетель руки хлопнул меня по ру-
ку, не давая войти в центр. Я ощутил взрыв.

Мне сердце на секунду замерло.

Чем оно стало больше.

Из прищипки в землю амбро вылез зелёный росток. Маленький, шепотливый, он распротавился под голодными муками упрямого солнышка, потягивался струсонья, и, как младенец, утробленно на нас взирал.

Свобно в турмане, в замедленном движении я наблюдал, как ручки на коленях Старца, секретив пальцы в узлах и со слезами для гонимых исхода; как Лия олокрила упрямими глазами на нас шине, токая Тробога, то на земного малюшка, пахителом жвотая ротом воздух; как Марк дёрнул каждого из людей, что то плыло крбела и унадувал пальцами на поворотджиного; как Ливан никого не подтускал в растемном блеме, чин на пять метров, в трепетилии страхом гмвде на него.

Мое сердце кто-то стжал. Я подним голову и увидел, как все люди берутся за руки, и я подаю ладонь Старцу, поднимая его в землю, чтобы он стал частью нас. Он посмотрел на шине влательными от слёз глазами, прищепоченными благодарности, и всогал на нас, заманном тивой круж.

Мое сердце застучало с новой силой. Нет. Не только мое. Все наши сердца забились в унисон и стали одним большим. Мы просто молча любим это маленькое... огромное Чудо.

Вы — Наша История. Мы — Ваша Надежда.

Мы с гордостью принимаем

Вашу эстафету жизни.

Надежда есть.

